

20 сен. 1981.



Елена Борисовна Порядкова — внучка популярной детской писательницы Клавдии Лукашевич. По профессии она горный инженер, до войны работала на ленинградском заводе «Красный треугольник», а потом на Московском шинном заводе, где редактировала многотиражку.

Мы публикуем отрывки из воспоминаний Е. Порядковой о детских годах Дмитрия Шостаковича.

Лето 1915 года выдалось прохладное, дождливое. Шостаковичи жили на даче в Ириновке, где у отца, Дмитрия Болеславовича, неподалеку, на этой же ветке железной дороги, была работа. Из-за плохой погоды дети целыми днями томились в помещении. Митя смотрел в окно: лужи на дорожках сада, мокрыми комочками в беседке и под крыльцом лежат щенки, ожидая хорошей погоды...

Мама привезла Мите из города коробки с его любимыми кубиками. Он часами сосредоточенно строил из них крепости, башни, города... Кубики были его постоянной и самой любимой игрой. Он мог один заниматься целыми днями ею. Воздвигал удивлявшие всех очень сложные, фантастические, диковинные сооружения. Берег их, чтобы они не рухнули, и очень огорчался, когда все же разваливались. Сейчас же начинал восстанавливать. Клавдия Владимировна Лукашевич, детская писательница и его крестная мать, с которой в Петрограде они жили в соседних квартирах, говорила, что быть ему зодчим, архитектором.

Это оказалось недалеко от истины, так как принято считать, что архитектура — это застывшая музыка. В раннюю пору детства ничем, казалось бы, не выделяющийся мальчик Митя Шостакович выражал рождающуюся в его голове систему, композицию, гармонию в объемной форме. Возможно, в этих кубиках было тогда начало его будущих гениальных симфоний. Позднее объемные композиции переросли у него в неодолимую потребность звуковой, музыкальной формы, так как одновременно с кубиками в нем нарастали интерес, потребность и редкое умение слушать музыку.

ГОДЫ ДЕТСТВА

К 75-летию со дня рождения Д. Д. Шостаковича

У дачной хозяйки стояло пианино. Старшая сестра Маруся играла на нем. Мама, сама хорошая пианистка, поправляла Марусю. Та не понимала и опять ошибалась, всхлипывала, и обе расстраивались. Добрый Митя, нежно любивший мать и сестру, волновался за них и решил разрядить обстановку. Он попросил, чтобы мама учila музыке его. София Васильевна отказалась, но обещала, что по возвращении в город она отдаст его в музыкальную школу Гляссе, где училась Маруся. София Васильевна пробовала зимой начать с ним заниматься музыкой, но он отказался, его испугали ноты, он сказал, что не хочет играть по «линейкам».

А теперь Митя не унимался. Он поднял упавший на пол лист из нотной тетради журнала «Нувелист» и стал спрашивать, где и какая нота берется на клавиатуре. Это был какой-то галоп, и первой нотой была си-бемоль второй октавы. Этого оказалось достаточно. Дальше Митя сам сообразил расположение нот. Теперь он целыми днями сидел за инструментом. Удивленная мать радостно с ним занималась, серьезно, но ненавязчиво, не лишая мальчика радости от самостоятельного музенирования. Через месяц Митя играл Моцарт. Осенью ему исполнилось 9 лет. Через четыре года, учась уже в консерватории, при переходе из класса Розановой в класс Николаева, он сыграл концерт Грига и 4-й этюд Шопена.

В доме Шостаковичей всегда было много детских книг, особенно Клавдии Лукашевич. Красочных, нарядных — «Зернышки», «Светлячок», «Гнездышко», азбука «Сеятель», по которым Митя самостоятельно выучился читать, и книг о жизни замечательных людей; рассказы об обороне Севастополя. Митя пристрастился к чтению и читал очень много. В школе он тоже учился прилежно и был в числе лучших учеников. Никакой дисциплины не тяготился, ни от каких предметов не отлынивал. Хорошо писал сочинения, легко справлялся с математикой и физикой, любил естествознание. Ко всему относился серьезно, отличался самостоятельностью в суждениях, был очень остроумен. Ему предсказывали будущность ученого.

В послеоктябрьском Петрограде семье Шостаковичей жилось тяжело. Деньги обесценивались, жалованья Дмитрия Болеславовича ни на что не хватало. В квартире на пятом этаже дома № 9 по Николаевской улице Шостаковичи мерзли, голодали, Митя болел. София Васильевна, хорошая и по-сибирски опытная хозяйка, прилагала все усилия, чтобы как-то кормить детей и мужа. Митя, Маруся и одно время Зоя учились в консерватории. Митя, худой и бледный, занимался сразу на двух факультетах: исполнительским у Николаева и композиторским у Штейнберга.

Однажды на экзамене в консерватории по гармонии старшая сестра Маруся не могла написать задачу. Она бросилась в коридор за помощью к Мите. Тот мгновенно все написал. Когда раскрасневшаяся Маруся сдала свою задачу в комиссию, все заулыбались, и она услышала: «Великолепно! Но вам с на-

мание музыки София Васильевна передала детям.

Биолончелист, который постоянно играл за стеной, был Борис Андреевич Сасс-Тисовский, в ту пору инженер-технолог, позднее профессор, доктор технических наук. Он был зятем Клавдии Лукашевич, мужем младшей дочери. Вечера камерной музыки в Петербурге в ту пору устраивались во многих домах. У Клавдии Владимировны собирались гости, играли струнные и фортепианные ансамбли, иногда пела знаменитая русская оперная певица Н. Ирецкая, обладавшая прекрасным, удивительной красоты голосом.

Кабинет отца в квартире Шостаковичей и гостиная Клавдии Лукашевич, где музенировали, имели общую стену, которая доходила до самой детской. По правилам поведения, существовавшим в те времена, детей вечером к гостям не допускали. Клавдия Владимировна сама приходила в детскую Шостаковичей, целовала детей на ночь и рассказывала им положенную вечернюю сказку, обещав Митюше оставить дверь приоткрытой.

Музыка, которую маленький Шостакович слушал из соседней квартиры, была истинным, высоким искусством. Позднее он выразил это словами: «То было едва ли не самое сильное впечатление моего детства».

Нередко Митя наслаждался прекрасными, редкой красоты звуками виолончели. Борис Андреевич прогнал на своем инструменте более полувека. Виолончель пережила блокаду Ленинграда, при ее ремонте в 1956 году и вскрытии деки на ней увидели надпись «Страдивари».

В послеоктябрьском Петрограде семье Шостаковичей жилось тяжело. Деньги обесценивались, жалованья Дмитрия Болеславовича ни на что не хватало. В квартире на пятом этаже дома № 9 по Николаевской улице Шостаковичи мерзли, голодали, Митя болел. София Васильевна, хорошая и по-сибирски опытная хозяйка, прилагала все усилия, чтобы как-то кормить детей и мужа. Митя, Маруся и одно время Зоя учились в консерватории. Митя, худой и бледный, занимался сразу на двух факультетах: исполнительском у Николаева и композиторском у Штейнберга.

Однажды на экзамене в консерватории по гармонии старшая сестра Маруся не могла написать задачу. Она бросилась в коридор за помощью к Мите. Тот мгновенно все написал. Когда раскрасневшаяся Маруся сдала свою задачу в комиссию, все заулыбались, и она услышала: «Великолепно! Но вам с на-

мание музыки София Васильевна передала детям.

Трамваи ходили плохо, чтобы добираться в консерваторию и обратно, а также на концерты, Митя тратил много сил. Многочасовые занятия дома за инструментом, недосыпание и постоянно забитованное горло от хронического воспаления бронхов совсем довели его до исхудания.

Пытаясь помочь Шостаковичам и спасти своего крестника, Клавдия Лукашевич воспользовалась своей популярностью и написала Луначарскому письмо 10 августа 1921 года:

«Глубокоуважаемый Анатолий Васильевич!

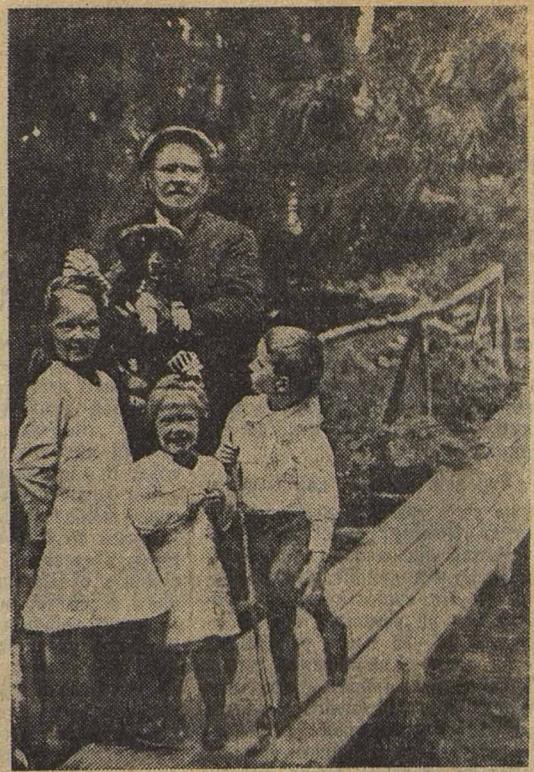
В музыкальных и литературных кругах много говорят о том, что Вы учреждаете пайки для выдающихся талантливых детей России. Можно только горячо и радостно приветствовать Ваше добре дело, в котором сейчас такая острая насущная потребность. Я позволю себе обратить Ваше внимание и ходатайствовать перед Вами о назначении пайка одному несомненно выдающемуся по своему таланту мальчику, пианисту-композитору Дмитрию Шостаковичу, 14 лет. Мальчик этот уже с 9 лет проявил необыкновенный музыкальный талант. У него феноменальная музыкальная память, абсолютный слух, громадное познание фортепианной литературы и уже есть такие сочинения, с которыми он выступает перед большой публикой, с разрешения Комиссии, во главе которой стоит директор Петроградской Консерватории профессор Глазунов. Митя Шостакович в 12 лет поступил в Петроградскую народную консерваторию по классу фортепиано к профессору Николаеву с отзывом (большое виртуозное музыкальное дарование, передача вдумчивая, полная настроения) и по классу композиции к профессору Штейнбергу с отзывом (ярко выраженный талант). С тех пор он все совершенствуется и большими шагами идет вперед. Но переживаемое тяжелое время, почти постоянная головная боль, кладут болезненный отпечаток на всех детей, а тем более на такого труженика и впечатлительного, как Митя. От недостатка питания (он ведь почти никогда не имеет молока, ни яиц, ни мяса, ни сахара и очень редко масла) мальчик очень худ, бледен, в нем развивается усиленная нервность и, что страшнее всего, острое малокровие. Наступает тяжелая петербургская осень, а у него нет крепкой обуви, галоши, теплой одежды. Страшно за его будущность. При всем желании и любви к нему ни его родители, ни близкие не могут дать ему всего необходимого для жизни и развития таланта. Он получает интернатский пай, так называемый «талантливый», но в последнее время он так мизерен, что не может никак спасти от голода и выражается в золотниках (например, две ложки сахара и полфунта свинины на полмесяца).

Кроме выдающегося музыкального дарования, я должна засвидетельствовать, что Митя Шостакович, которого я знаю от рождения, обладает кротким, благодарным характером, возвышенной, чистой, детской душой, любит чтение и все прекрасное, и необыкновенно скромен. В дорогой ему музыке он не пропускает ни одного серьезного концерта, следит всегда за исполнением по партитуре и восторженно приветствует каждое удачное выступление...

Еще раз усиленно прошу обратить внимание на этот выдающийся талант...

С глубоким уважением Клавдия Лукашевич.

На этом письме Луначарский положил резолюцию:



«Дмитрию Шостаковичу пианисту-композитору 14 лет выдать академический пай».

В 1923 году Митя Шостакович окончил консерваторию как пианист, продолжая учиться на композиторском факультете. А годом раньше умер его отец. Семья осталась без кормильца. София Васильевна дала все, чтобы Митя и Маруся не прерывали занятия в консерватории. Она давала уроки музыки, приводила вещи и мебель, сдавала комнаты их квартиры. С помощью своей приятельницы она устроилась работать кассиром в магазин. Эта профессия в ту пору без кассовых аппаратов и при больших цифрах денежных значений была не из легких — требовалась быстрота и безошибочность подсчетов в уме. Софию Васильевну выручили ее математические способности.

В программе, с которой Митя окончил консерваторию, по рассказам Софии Васильевны и сохранившимся подаренным ею нотам, были произведения Моцарта и Бетховена. Когда на выпускном акте Митя сыграл труднейшую бетховенскую сонату в ре-дакции Гольденвейзера, А. Глазунов встал и произнес: «Впервые стены консерватории слышат эту сонату на выпускном акте. И кто исполняет? Мальчик в матросской куртке». Мите было тогда 16 лет.

Серьезно занимались музыкой в ту пору в доме Шостаковичей 5 человек: Митя, Маруся, Зоя и две девочки, приехавшие из Донбасса по рекомендации Сасс-Тисовских, Наташка и Раа. Все готовили сложный фортепианный репертуар по программам консерватории и музыкального техникума. Зоя вскоре оставила консерваторию, заявив, что в их семье хватит музыкальных талантов и без нее. Приоритет на безграничное пользование роялем принадлежал Мите, помимо каких-либо его личных установлений. Так распорядилась София Васильевна.

Елена ПОРЯДКОВА.

НА СНИМКАХ: портрет Д. Шостаковича, выполненный художницей Л. Алексеевской летом 1924 года в Славянске; Дмитрий Болеславович Шостакович со своими детьми — Марусей, Зоей и Митей в Ириновке (публикуется впервые).